

Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других:
если они поэты, так и я тоже!.. Суди, говорю, сам. Да суди
беспристрастно. Я ищу справедливости; снисхождения не надо, я не
прошу снисхожденья!..

Козьма Прутков

(Курсив мой – В. К.-К.) Это его курсив – И. Ильф, Е. Петров

8 марта в произведениях классиков и современников

Тема и варьяции

Составитель В. Котовер-Казанер

Издательство ФЕЛИНА

8 марта в произведениях классиков и современников

Составитель В. Котовер-Казанер
© Издательство ФЕЛИНА

От Издательства

Выпущенное в 2015 г. издательством Котиздат собрание стихов В. Котовера-Казанера «Большим и маленьким котолубам» было тепло встречено читателями. Мы предлагаем новое собрание произведений этого любившегося читателям автора. Все они объединены общей темой, обозначенной на обложке. Стихи были написаны в разные годы, некоторые давно, в прошлом тысячелетии, но все они издаются впервые.

На титульном листе г-н Котовер-Казанер скромно обозначил себя составителем. Однако, по нашему мнению, это та скромность, которая паче гордости. Автор выдаёт себя с головой эпиграфом; тут он, как сказал бы Мих. Зощенко, развернул свою идеологию в полном объёме. Да ещё усугубил впечатление собственным курсивом! Тем не менее, Издательство берёт на себя смелость рекомендовать широким слоям читателей предлагаемую антологию.

От Автора

Читатель, конечно, заметил, что на обложке автор не указан; тому причина, что он не столько автор, сколько соавтор, а вынести на обложку всех соавторов – им было бы весьма тесно. Но составитель он полноправный.

Что же заставило его взяться за составление настоящей антологии? Пусть читатель представит себе такую картину. Раннее Средневековье. Некий грамотей переписывает древний текст, в котором, по его мнению, непременно должен присутствовать Иисус Христос. А его нету! Куда смотрел автор-нехристь? Надо его подправить! И вот переписчик, помолясь и получив благословение, вносит свою лепту. Вот так и составитель (он же соавтор). Сколько было поэтов хороших и разных, великих и даже гениальных, не отдавших должную дань Женскому Дню! Пора, давно пора восполнить за них эти пробелы. Составитель сделал, что мог.

В. Котовер-Казанер

А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам, товарищи,
мое стило,
и можете
писать
сами!

В. Маяковский

Г.Р. Державин

Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Но есть одно, что неизменно,
Чего забыть нельзя никак,
Когда ликует вся Вселенна,
Равно вельможа и бедняк.

Тот славный день, весны в начале,
То несравненно торжество.
Ево и древле отличали,
И ныне празднуют ево.

И впредь он будет лучезарен,
В краях, где зной и где мороз.
Пей, Иудей! Гуляй, Татарин!
Возвеселися, храбрый Росс!

И.А. Крылов

– 1 –

Два Пса

Однажды некий Пёс
Барбос,
Который во дворе исправно службу нёс,
Поймав свою супругу Жучку,
Совсем было собрался дать ей взбучку,
Да призадумался: «А кой сегодня день?»
– «Очки надень, –
Сосед ему прогавкал Шарик, –
Да посмотри на календарик –
Восьмое марта нынче!» – «Вот те на!
Ну, коли так, ступай себе, жена!»

Читатель! И у Псов бывают дни,
Когда они
Своих супруг не лают, не кусают
И взоры нежные порой на них бросают!

– 2 –

Ворона и харчи

В одном лесу
Вороне Бог послал и сыр, и колбасу.
В начале марта было дело.
В родимый лес Ворона полетела,
На ель с поклажей взгромоздилась,
Уютно угнездилась
И пировать совсем было пустилась,
Да призадумалась: ведь праздник на носу!
Где взять потом и сыр, и колбасу?

Читатель, ты смекнул, куда мы клоним речь?
Не забывай харчи на праздник приберечь!

Вороны и Лисы

Однажды, марта месяца в начале,
Воронам Бог послал и сыр, и колбасу.
И что же? Лисы в том лесу
Восьмое славно отмечали!

Сей краткой басенки мораль весьма ясна:
Нехорошо на праздник быть с уроном,
И потому иным Воронам
Не в радость ранняя весна!

А.С. Грибоедов

(Не вошедшее в окончательный текст «Горя от ума»)

Фамусов:

Ах, что за праздник, Боже мой!
Намедни, марта в день седьмой,
Пройдясь по здешним коридорам,
Я обонял у запертых дверей
Божественные запахи, ей-ей:
Где верх берёт салат, а где кофей;
А на дверях – замки с набором!
Повсюду чествовали дам.
Какие пиршества разыгрывались там!
На угощение мужчины тароваты,
Но дамам надобно держать себя в руках:
Торгов отведают, и ах –
Корсеты станут тесноваты!
Оно, положим, не беда –
Избыток веса у иной резвушки,
А вот не помешают ли пирушки
Поднять производительность труда?

Скалозуб:

Большой бы не было печали,
Когда бы ели да молчали,
А то ведь разговорчивы весьма!
Добро бы в праздник – в будни слишком бойки,
А женщины так прямо без ума
От гласности и перестройки.
Чтоб урезонить сих господ и дам,
И тем, заметить не премину,
Повысить трудовую дисциплину,
Я в штаты им фельдфебелей придам.
По часу в день хорошей маршировки –
И дамы позабудут о шнуровке.
Давно пора их всех угомонить
И календарь на март переиначить:
Восьмого политдень назначить,
А праздник – отменить!

А.С. Пушкин

– 1 –

Мой дядя самых честных правил
В начале марта занемог,
Но женщин с праздником поздравил
И лучше выдумать не мог.
Его пример – другим наука!

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Восьмое марта – день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный,
Пора, красавица, проснись!
Навстречу северной Авроры
Открой сомкнуты негой взоры,
Вставай и сладко потянись!

Зимой частенько вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась,
А нынче выйди за порог:
Хрустит ледок, а над тобою
Сияет небо голубое,
И веет славный ветерок.
Мы ждём: весны подходит срок.
Сегодня день на удивленье!
Но что там слышно в отдаленье?
Посыльный прибыл: ваш сосед
Прислал подснежников букет
И приглашенье на обед.
На праздник в гости? Вот прекрасно!
Но ах – родители согласны,
И дворня рада услужить,
Спешит кибитку заложить.
(Я должен вам сказать по чести –
Соседство это – просто клад:
Ещё не стар, весьма богат,
Наводит справки о невесте,
И не одна мечтает мать
Ему в супруги дочь отдать.)
Вперёд, вперёд, моя история!
Не станем времени терять.
Я вам не кот у лукоморья
Пустые сказки повторять.
Вот после нежных уговоров,
Потом довольно долгих сборов
К соседу едет вся семья.
За ней последую и я.

Что за комиссия, ей-Богу,
Хотя б короткую дорогу
Весенним днём преодолеть!
Как лошадей не пожалеть.
Ползёт кибитка неуклюже,
Нелёгко нынче санный путь,
Скользят полозья как-нибудь,
Порой проваливаясь в лужи.
Но добрались наконец.
Пред ними – княжеский дворец,
Прямые сельские чертоги!
Хозяин, встретив на пороге,
Гостеприимства образец,
Ведёт их отдохнуть с дороги.

Столы накрыты, ждут гостей,
Лакеи суетятся всюду,
Несут бутылки и посуду.
Да, знатный будет пир, ей-ей!

.....
Финал. Всё лишнее выносят,
Гостей обратно в залу просят.
Хозяин знак оркестру дал –
И Женский День венчает бал.

– 3 –

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно бросаю щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминуемой.

То были мартовские иды
И день как будто бы осьмой.
Тогда узнал я жребий мой...
О боги мрачного Аида!
Ведь это праздник, день такой,
Идут процессии весталок,
А я? О боги, как я жалок!
Ломаю руки день-деньской

Ах, что и жизнь в такой тревоге!
Мне всё хотелось умереть
И там, в Аиде, посмотреть,
Как мертвеца встречают боги.
Однако я ещё не тень
И тенью стать пока не чаю,
Лишь злополучной битвы день
Я чёрным камнем отмечаю.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

– 4 –

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господина Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei¹ кровью
Начертал он на щите.

А кругом передавали
Слухи странные о нём:
Будто рыцарь дам едва ли
Поздравляет с Женским Днём!

(Но хотя молву пустую
Он изрядно удивлял,
Рыцарь Деву Пресвятую
Неизменно поздравлял.)

Вот, забрало подымая,
Даму славит паладин,
Поздравляет с Первым Мая,
С днём, быть может, именин,

Или, скажем, день рожденья
Этой дамы настаёт;
А тому его виденье
Всё покою не даёт

¹ Радуйся, Матерь Божия (лат.)

И воюя Палестину,
Вдалеке родимых мест,
Всё он видел ту картину:
Матерь Божию и крест.

В марте каждом, дня восьмого,
Рыцарь латы надевал,
Сарацина он любого
Биться насмерть вызывал.

Lumen coelum, sancta Rosa!²
Взял девизом паладин.
Всем слышна была угроза,
Но не вышел ни один!

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Все влюбленный, все печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

² Свет небес, святая роза! (лат.)

Ф. Тютчев

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги,
Что поздно встал — и на дороге
Он Женским Днём застигнут был!
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В такие дни, весною ранней,
В годину бурь, а то и браней,
И угодил к богам на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Дм. Давыдов

Славный ледок укрывает Байкал.
Славный ночлег – омулевая бочка.
Долго я случай к побегу искал –
Добрая выдалась ночка!

Долго я тяжкие камни дробил,
Долго томился, на нарах ночуя.
Верный товарищ бежать пособил.
Ожил я, волю почуя.

Затемно к дому подамся теперь.
Силушки прибыло после привала.
Лишь бы не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Там за горою родное село,
Бабьего праздника ждет–не дождется.
Эх, погуляет оно весело –
Так уж в Сибири ведется.

Долго бывшее казалось сном:
Вот соберутся друзья и соседи.
Парни колдуют над хлебным вином,
Девки – над грудками снели.

Ранней весной или поздней зимой
Девки и бабы мужики поздравляют.
Эх, поглядеть бы, ах Боже ты мой,
Как нынче праздник справляют.

Ой ты, моя православная Русь,
Ой ты, родная моя деревенька!
К празднику я до тебя доберусь –
Тут уж осталось маленько.

М.Ю. Лермонтов

– 1 –

Не поздравленье – укоризна
Стране рабов, стране господ!
Ужель тебя, моя отчизна,
И перестройка не спасёт?

Ужели в марте, в день заветный,
Ты не стряхнёшь своих оков
Под женский гомон несусветный
И пляску пьяных мужичков!

– 2 –

Печально я гляжу на наше поколение.
Его грядущее мне кажется темно:
Где рифмы новые найдём на поздравленье?
Ужели промолчать нам ныне суждено!

Люблю я Женский День, но странную любовью;
Её не победит рассудок мой.
Пуškai за то подвергнусь я злословью –
Но жду его весь год, особенно зимой.

Когда подходит срок, весна ещё в начале,
И льдинки по утрам так весело хрустят.
Но днём уже тепло – капли зазвучали,
И лужи сквозь туман по вечерам блестят.

И пробуждается природа понемногу,
И краше улицы в сиянии дневном,
И бодро выхожу один я на дорогу
Наведаться под праздник в гастроном.

Потом бреду назад, не прибавляя шагу;
Душа погружена в блаженный полусон.
И шепчет мне ручей таинственную сагу
О той трубе, откуда льётся он.

И забываю я докучную тревогу,
И рифмы будто нижутся на нить,
И стих для милых дам готов я сочинить –
Пуškai цветут и внемлют Богу!

А.К. Толстой

«Царю, прославляему ныне от всех,
Но тонущу в многая сквернах.
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Презрел еси жен благоверных?
Пошто не справляешь ты Женские Дни,
Как то повелось на Руси искони?
Пошто голубицы тоскуют
И праздника тщетно взыскуют?

Иль мнишишь архангельским чином при нас,
Небытной гордыней прельщенный?
Внемли же – придет возмездия час,
Писанием нам предреченный!
И ныне глаголю, отнюдь не шутя:
На Страшном Суде жены встанут на тя,
И аз на подмогу им встану!»

Так Курбский писал Иоанну.

Козьма Прутков

– 1 –

Женщина не выкажет удивления,
Получивши Восьмого Марта поздравления.

– 2 –

Встречал ли ты, читатель, человека,
На коем фрак,
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг?

Его волосы подъяты в беспорядке,
Безумен взор;
Дрожит, как лист, в нервическом припадке
И мелет вздор.

Сойдя с панели, лошадям мешает
И день-деньской
– Кой месяц нынче? – встречных вопрошает,
– А день какой?

Иной велит, стараясь быть построже:
– Поздравь жену!
Купи цветов, восьмое марта всё же!
Ответит: – Ну?

Кто он таков? Смеются велегласно
Над ним друзья.
Но ты, читатель, не гадай напрасно:
Знай – это я!

3

Из сафьянного портфеля с печатною золочёною надписью: “Сборник неоконченного (d’Inacheve) №”

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края.
Слышишь, Конча, звон гитары?
Глянь с балкона – это я!

От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады,
Раздаётся звон мечей.

Тупые мечи-то!
Подумаешь – звон!
О выйди, Кончита,
Скорей на балкон!

Ты подобна Афродите!
Кто посмеет отрицать?
Эй, гидальги, выходите!
Полно тренькать и бряцать!

Я любого неуклонно
Позову на смертный бой,
Если он другую донну
Станет сравнивать с тобой!

Я всегда с приходом марта,
Особливо в день осьмой,
Полон буйного азарта!
Так велит мне жребий мой!

Ах, брюнетки и блондинки!
Сколько было вас – не счесть!
Сколько раз на поединке
Я сражался в вашу честь!

Но теперь – другое дело!
Все забыты до одной!
Донна Конча завладела
Дон Жуаном, то есть мной!

Ночною прохладой
Овеян Мадрид.
Гитарной руладой
Любовь говорит.

Прожду до утра я –
Ужели вотще?
(Любовью сгорая,
Продрогну в плаще!)

Где она, моя гордыня!
Я и робок, и смущён.
Дон Жуана меч отныне
Лишь Кончите посвящён.

И готов я неустанно
Повторять за разом раз:
Верь мне, Конча: дон Жуана
Слово крепче, чем алмаз!

А когда свой путь окончу,
Верно, будучи монах,
Непременно донну Кончу
Я узрю в последних снах!

О сердце, стучи ты,
Любви не тая!*
Ах, Конча, Кончита,
Голубка моя!

Ну-ка, струны, звонче, звонче
Вторьте пенью моему!
Чем ещё потрафить Конче
Я, ей-Богу, не пойму!

От лунного свету
Зардел небосклон.
А Кончи всё нету –
Нейдёт на балкон!

.....

* * Вариант: Любовь затая

Афанасий Фет

Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало.
Женский День настал при этом,
А тебе и горя мало!

Хоть весна ещё робеет,
Но конец приходит стуже,
Небо вновь поглубеет,
Снег растает, будут лужи.

Лето следом за весною:
О морозах позабыли,
Будем прятаться от зною
Грозы, ливни, тучи пыли.

В жизни, столь разнообразной
Человеку нет покою.
Глядь – Восьмое нынче празднуй,
Завтра – что-нибудь другое.

Н.А. Некрасов

– 1 –

Что ты жадно глядишь на дорогу,
Выходя на крыльцо по утрам?
Знать, забило сердечко тревогу –
Поздравительных ждёт телеграмм.

Хорошеешь ты ранней весною,
Улыбаешься мачехе злой.
Только думушки: минет Восьмое –
И примчится корнет удалой.

В летний вечер, погожий на диво,
Эскадрон проходил по сельцу,
И корнет, подбоченясь красиво,
Поотстал и подъехал к крыльцу.

Были редкие встречи украдкой,
И такие шептал он слова!
И хватало той радости краткой,
Чтобы кругом пошла голова...

Впрочем, что ж мы? Признаем по чести:
Бесприданнице долюшки нет.
Жизнь обманет, желанные вести
Не придут, и богатой невесте
Нынче шлёт телеграммы корнет.

– 2 –

Однажды, при Ельцине, ранней весною
Я из дому вышел; был славный денёк!
Гуляю по лужам, гляжу – предо мною
С полпуда картошки везёт паренёк.

«Здорово, парнище!» – «Ступай себе мимо.»
«Не больно ты вежлив! Не в духе с утра?
Откуда картошка?» – «С базара, вестимо;
Поболе бы взял, да в кармане дыра.»

Угрюмо взглянув, он проследовал далё,
Со злобой, что в душу его залегла.
И больше друг друга уж мы не видали ...
А было то в марте, восьмого числа.

Любезный читатель! Подобные сцены
Описывать нужен эпический дар.
Конечно, на праздник кусаются цены –
На то он и город, на то и базар.

Заглянешь – кругом изобилье такое!
Харчи и товары навалом лежат.
И тянет, и манит и то, и другое:
И взял бы, да лих – нехватает деньжат.

Но русский крестьянин рассудит, привычный:
Желаешь картошки – так сам и сажай!
Поможешь Отчизне своей горемычной,
Коль с помощью Божьей сберёшь урожай.

С. Надсон

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,

Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь, –
Верь: настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбренных плечах, –
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
За суровой зимою весна настаёт,
Женский День нам приносит она!

Если марта восьмое число впереди –
Значит, жди и надейся, мой друг.
Сам подумай и телек пойдя погляди:
Всё не так уж и плохо вокруг.

Крым-то наш! Ты весной об этом узнал.
То-то знатная вышла корысть!
Ты пойми: никакой нам не страшен Ваал,
Наши скрепы ему не разгрызть!

Федор Сологуб

Когда я по Казанке плавал,
И мой челнок пошел ко дну,
Я возопил: отец мой Дьявол,
Ведь я, пожалуй, утону!

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей,
А я за то силкам порока
Готов отдать остаток дней!

И Дьявол мне бревно подбросил,
Я на него взобрался вмиг.
Мне руки были пара весел,
И я пустился напрямик.

И вскоре выволок на сушу,
В больное, злое житие
Мою озлобленную душу
И тело грешное мое.

И помню я, отец мой Дьявол,
То обещанье в грозный час,
Когда я в лодке утлой плавал,
И ты меня от смерти спас.

Ты видишь: верен я обету –
Тебе со мною повезло!
С тех пор скитаюсь я по свету
И всюду сотворяю зло.

Грешу с тех пор напропалую,
В толпе мобильники краду,
Сыграю в церкви шутку злую
И не боюсь гореть в аду.

Но в Женский День мне не до смеха:
Я женам должное воздам.
И ты мне, Дьявол, не помеха,
Когда я славлю милых дам!

К. Бальмонт

Я видел горы, я видел море,
Деревню, город и цвет долин.
Я заключаю в едином взоре
И то, и это – я властелин!

Я сонмы женщин кругом встречаю,
И в праздник женский, душой горя,
Я даже Солнца не замечаю,
Про остальное не говоря!

Восьмого марта бываю смелым
И дерзким тоже – чего скрывать?
И упиваюсь роскошным телом,
Сумев одежды с неё сорвать!

И.А. Бунин

Змея

Покуда март гудит в лесу по голым
Снастям ветвей, — бесцветна и плоска,
Я сплю в дупле. Я сплю в листве тяжелым,
Холодным сном — и жду: весна близка.

У нас, у змей, зимой таков обычай:
Свернись в дупле и до тепла лежи.
Не вылезай, не ползай за добычей,
Не то сожрут голодные ежи.

Они мне часто снятся, змееловы.
Вчера дивилась одному из них.
С ним что-то приключилось, право слово:
Почистился, умылся, как жених.

Сам из себя уродлив и немолод,
Кривые ножки, морда уголком.
Но глядь — подснежник на горбу приколот.
Куда трусит по насту прямиком?

Никак меня поздравить ковыляет?
Я наглости подобной не терплю.
Пускай свою ежиху поздравляет,
А я еще недели две посплю.

Михаил Кузмин

Форель разбивает лёд

Гаснет день. Окончены споры
И к поездке поспешные сборы.
И становится всё темней.
Сани-розвальни наготове,
Нам весной кататься не внове,
Из конюшни ведут коней.

Синей лентой обвиты дуги,
Кони бьются, храпят в испуге,
Но полозья почти не скользят.
А чего вы в марте хотите?
Сколько дней остаётся, сочитите,
Но разбег не сегодня взят.

Кто скитается там по Карпатам?
Может, тот, кто назвался братом?
Где-то колокол полночь бьёт.
Как обычно в марте бывает,
Невский лёд форель разбивает,
И Восьмое уже настаёт!

Н. Тэффи

Мой черный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ловок и так мил!..
Мои браслетки, кольца, серьги, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.

Но вот наемни в Женский День – о боги! –
Мой карлик вдруг поднялся и подрос...
Вотще ему я целовала ноги –
И сам ушел, и сундучок унес!

Серёг, браслетов мне не жаль нисколько,
Но что такое пальцы без колец?
Мой маленький, верни мне кольца только!
Верни мне кольца, слышишь ты, подлец!

Валерий Брюсов

Сарданапал

Ассирийская надпись

Я – вождь земных царей и царь, Сарданапал.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Я женщин превознёс, едва во власть попал,
Им праздник учредив на всём земном просторе.

Внедряя Женский День, я круто поступал:
Египет победил в жестоком долгом споре;
Сидон не пожелал восславить жен – и пал,
Сидон я ниспроверг и камни сбросил в море.

Богиням – не богам – я фимиам курил.
Народ сперва роптал, но я его смирил,
И чтит заветный День великая держава.

Иные торжества – где их былая слава?
Я список праздников навеки исчерпал,
Я, вождь земных царей и царь – Сарданапал.

Александр Блок

– 1 –

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна.
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая родная страна.

Мы несмелые песни запели,
И нежданно весну принесло ...
Перестроиться мы не успели –
Нас настигло Восьмое число.

О весна без конца и без краю,
Без конца и без краю мечта!
Нас вели к безмятежному раю,
Оказалось – дорога не та ...

И сомненья нахлынули снова:
Не обманет ли призрачный свет,
И Прекрасная Дама Восьмого
Не найдёт ни вина, ни конфет...

– 2 –

Дон Жуан и Командор

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За порогом мартовский туман.
Что теперь твоя постылая свобода:
Не выходит праздничная ода!
Где твоё уменье, дон Жуан?

Словно дразнит белая страница,
Давит бремя тишины ...
Донне Анне поздравленье снится,
Донна Анна видит сны.

Подлетает, взвизгнув тормозами,
Серый, как сова, таксомотор.
Глядя вдаль застывшими глазами,
В залу входит Командор.

Приглашён в насмешку, он неожиданно
С пьедестала прыгнул сам собой:
«Не забудь поздравить донну Анну,
А не то – продолжим бой!»

Что изменнику укоры и угрозы?
«Я тебя, приятель, не пойму!
Нету донны, кроме донны Розы,
Мне твоя Анюта ни к чему!»

Командор застыл, ошеломлённый,
Снова обратился в монумент:
Женский День и дон Жуан влюблённый –
Вот тебе и факт, и аргумент.

Гость уже не сделает ни шагу
До скончания веков,
А хозяин вновь схватил бумагу,
Исписал листок – и был таков.

Жизнь легка, бездумна и прекрасна!
Бог не выдаст – Командор не съест.
Донна Анна будет ждать напрасно:
Дон Жуан свернул в другой подъезд.

Андрей Белый

Рыдай, буревая стихия,
В столпах громового огня!
Россия, Россия, Россия
В преддверии Женского Дня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Небесная эта армада
Надежду на крыльях несёт.
Россию спасёт Хакамада,
Её Матвиенко спасёт!

Памфилова, Ляхова, Слиска!
Россия, надейся и жди:
Твоё избавление близко,
И светлые дни впереди!

Минуют лихие невзгоды,
Как дымка растают они,
И в долгие—долгие годы
Составятся Женские Дни.

Ликуй же и празднуй, Россия,
И гимн узаконенный пой!
С тобою твой новый Мессия,
Двуглавый орёл над тобой!

Саша Чёрный

Несправедливость

(Восстановлены строки, не пропущенные царской цензурой.)

Адам молчал, сурово, зло и гордо
Спеша из рая, бледный, как стена.
Передник кожаный зажав в руке не твёрдой,
По-детски плакала дрожащая жена...

За ними шло волнующейся лентой
Бесчисленное пёстрое зверье:
Резвились юные, не чувствуя момента,
И нехотя плелось угрюмое старье.
Дородный бык мычал в недоуменье:
«Ярмо... Труд в поте морды... О, Эдем!
Я яблок ведь не ел от сотворенья
И глупых фруктов я вообще не ем...»
Толстяк баран дрожал, тихонько бляя:
«Пойдёт мой род на жертвы и в очаг!
А мы щипали мох на триста вёрст от змея,
И кротостью дышал наш каждый шаг...»
Ржал вольный конь, страшась неволи вьючной,
Тоскливо мекала смиренная коза,
Рыдыли раки горько и беззвучно,
И зайцы тёрли лапами глаза.
Но громче всех в тоске визжала кошка:
«За что должна я в муках чад рожать?»
А крот вздыхал: «Ты маленькая сошка,
Твоё ли дело, друг мой, рассуждать...»
Лишь обезьяны весело кричали, –
Почти все яблоки пожрав уже в раю,
Бродяги верили, что будут без печали
Они их рвать – теперь в ином краю.
Одна из них, не глядя на дорогу,
Здравши морду и раззявив пасть,
Орала так, что прямо в уши Богу
Насмешка не замедлила попасть:
– Ты на Адама взял плохую глину,
А может, с бодуна его лепил!
Зачем Ты в Женский День порушил всю малину?
Признайся, Отче: скверно поступил!

Лишь хищники отчасти были рады:
Трава в раю была не по зубам!
Пусть впереди облавы и засады,
Но кровь и мясо, кровь и мясо там!

Адам молчал, сурово, зло и гордо,
По-детски плакала дрожащая жена.
Зверьё тревожно подымало морды.
Лил серый дождь, и даль была черна...

Николай Гумилёв

— 1 —

Крест

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи. в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Ведь я же за стол и не думал садиться,
Припрятал поглубже свое серебро.
Ведь знал же, что в праздник играть не годится,
Но бес, не иначе, ввернулся в ребро.

— И вдруг захотелось бродить по дорогам,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Забыть об игре, о пирушках, о многом,
Людей заклиная святыней креста! —

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил свой крест!

Уж тут я в удаче был твердо уверен,
Но верная карта — опять солгала!
И вот я погиб, и мой жребий измерен
С того рокового, восьмого числа!

Африканский праздник

У меня на коленях разостлана карта,
Надо мной баобаба роскошная сень,
О, как близко число долгожданное марта –
То Восьмое, излюбленный в Африке день.

Нас туземное племя на праздник позвало,
Для охраны прислало надёжный отряд.
(Говорят, что недавно оно воевало,
А что с пленными делало – не говорят.)

Мы успели. Уже на высоком помосте
Приготовлен из пальмовых листьев навес.
Там с вождями усядутся белые гости,
И до них не дотронется солнце с небес.

Остальные садятся на пёстрых подстилках.
Наши слуги себе сколотили столы.
Груды фруктов проносят рабы на носилках,
Полыхают костры и чернеют котлы.

Что за мясо в котлах, мы у них не спросили,
А питье путешественник носит с собой.
Дан сигнал – и на пиршество нас пригласили,
И вожди появились нестройной гурьбой.

Закружился колдун, загудели там–тамы,
Беспокойно трубили в загоне слоны,
И мигали пришельцам туземные дамы,
Словно чёрные звёзды подземной страны.

В. Ходасевич

Перед зеркалом

Nel mezzo del cammin di nostra vita*
Dante, Inferno

Женский День! Ах, какие два слова!
Глядя в зеркало, думаю я:
Кто из женщин полюбит такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, –
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, –
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

А с другой стороны – почему же
Не любить им такого меня?
Я, по-моему, прочих не хуже
И стихи сочиняю к тому же
В честь вот этого самого Дня.

Впрочем, так в этих зимах и вёснах
Посредине земного пути.
Сколько было тех Дней судьбоносных,
И глядишь – заплутался в трёх соснах,
И своих же следов не найти.

Да, невесело мне вечерами,
Здесь, в парижской мансарде моей.
Роль заштатная в жизненной драме
Да приятель единственный в раме –
Но и это неплохо, ей-ей!

* Земную жизнь пройдя до половины (пер. Лозинского)

Игорь Северянин

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно! Это вам не ситро!
Весь я – в чём? Непонятно; вероятно, в цыганском!
Вдохновляюсь порывно! И хватаю перо!
Лучезарит весна марта в самом начале,
Прогоняя остатки зимовой поры.
Хмурилицы прохожих ручейки ожурчали,
И олужило солнце тротуар и дворы.
Побежали моторы, то есть автомобили
(А сказать покороче, это просто авто).
Кто-то там зацелован, а кого-то побили!
(Если дали по морде – значит, было, за что.)
Женский День подступает, он совсем уже близок!
Поздравленья готовьте, непременно в стихах!
Превращайте, поэты, всех портних в одалисок,
Всех модисток в красавиц в жемчугах и мехах!
Кавалерам и дамам, особливо казанским,
В городах и селеньях, сколько есть их у нас,
Всем велю: этот праздник вы встречайте шампанским,
И в бокал не забудьте накрошить ананас!
Ананасы в шампанском! Согласитесь – прекрасно!
Мы трагедию жизни превратим в грезофарс!
Это так шампанейно! Это так ананасно!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Казани – на Марс!

Анна Ахматова

Из черновиков «Поэмы без героя»

– 1 –

Из-под самых глубин сознания
Подымается воспоминанье,
 Эпизоды, обрывки речей,
Как лоскутья былой оболочки
Или пятна и редкие точки.
 В это прошлое нет ключей.

Не был город наш Ленинградом,
Полным жути сталинским адом,
 И войны не слышался гром.
Позабить его невозможно,
Было весело, бестревожно,
 Юный век отливал серебром.

Фэтоны, ландо, таратайки,
Гимназисток резвые стайки,
 На Галерной флюгарки скрип.
Дамы в шляпах и кавалеры,
Все тогда боялись холеры –
 Это вам не куриный грипп!

Жизнь казалась – лёгкое бремя!
Но кончается наше время
 И уже ускоряет ход.
Шёл последний, пока не военный,
Несравненный и незабвенный,
 Ставший вехой тринадцатый год.

– 2 –

Цвет тогдашней столичной богемы
Населяет мою поэму.
 Все бывали в подвале том.
Он в бесчисленных мемуарах,
В разных книгах, новых и старых,
 Существует словно фантом.

 Там и бражники, и блудницы,
Злое семя приневской столицы,
 Как невесело вместе им!

(Да и то: с чего веселиться?
Нет чтоб в церковь пойти помолиться –
Непонятно, что ли, самим?)

В тесноту человеческого улья
Еле влезли столы и стулья,
И расписаны стены пестро.
Коломбина на сцене плясала
(Я потом про неё писала),
Были там Арлекин и Пьеро.

Вспышки кратких любовей мелькали;
Дамы взоров не опускали,
А перчатки путали сплошь.
Забывали про лево и право,
Но всегда поступали здраво,
Видя пару своих калош.

Ночь обычная марта восьмого;
Может, спросите: что такого?
Ничего, конечно, – тогда!
Столько лет с тех пор пролетело,
И сегодня – другое дело,
И совсем другие года!

– 3 –

Я клянусь чудотворной иконой
Или Бахом с его Чаконой –
Не забыть мне этот подвал.
Поклянусь и небом, и адом,
Петроградом и Летним садом:
Жаль мне тех, кто в нём не бывал!

Б. Пастернак

Начало марта на земле,
По всем пределам.
Пустая чашка на столе
Укором белым.

В мозгах сплошная дребедень,
Оплыла свечка.
На поздравленье в Женский День
Ну ни словечка.

А это, кажется бы, мог
Любой ребёнок,
Хотя б не знал он женских ног,
Ни их гребёнок.

Но ты не предавайся сну,
Не спи, художник!
Ведь ты у вечности в плену,
Её заложник.

Преодолей свою хандру,
Души растраву,
И ты увидишь – всё к утру
Пойдёт на славу!

Под стол всё то, над чем корпел,
Стряхни мороку;
Теперь за дело – и успел:
Готово к сроку!

Осип Мандельштам

Tristia

Я изучал науку поздравленья
У очага, среди воловьих шкур.
Трещат в огне смолистые поленья,
На праздник всех передушили кур.
Смотри – Акрополь издали белеет,
И голуби садятся на насест.
А президенту злоба дня довлеет –
На Женский День готовить манифест.

Тяжка ему обуза поздравленья:
Ну чем он может женщин изумить?
Что будет пить народонаселенье,
И чем его прикажете кормить?
О нашей жизни скудная основа!
Куда как беден праздничный язык.
Былых пиров мы не затеем снова,
Но сладок нам и поздравленья миг.

Я получил блаженное наследство:
Чужих певцов блуждающие сны.
В начале марта женское соседство
Мы уважать особенно должны.
И в день Восьмой, в Ахее или Трое,
Когда в сенях мычит голодный вол,
И в Татарстане тою же порою
Мужам дано поздравить женский пол.

Сибирский тракт. Моторов вереница.
У гастронома скромный пешеход,
Считает сотни, бедности стыдится,
Вдыхает выхлоп и судьбу клянёт.
Чудак и в праздник воли дать не может
Блаженным и бессмысленным словам.
А кто–то вновь чужие строфы сложит
И как свои опустит в ящик Вам.

А. Вертинский

Куда же Вы ушли, нам всем на удивленье?
Как пуст без Вас тот маленький подвал,
Куда на Женский День носил я поздравленья!
С тех пор как Вас в нём нет, я там и не бывал.

Где Вы теперь? Едва ли в Сан-Франциско –
Там, говорят, не видел Вас никто ...
Мне снилось в январе: Восьмое марта близко;
Без Вас оно, увы, уже не то.

В. Маяковский

– 1 –

Ешь ананасы, рябчиков жуй:
Марта Восьмое празднуй, буржуй!

– 2 –

В цеху,
 в кабинете,
 в бюро пропусков –
товарищ,
 старанье утрой-ка!
Сегодня
 праздничный лозунг
 таков:
Даёшь стране
 Перестройку!
Восьмое марта,
 конечно,
 встреть,
да так, чтоб всего –
 в излишке!
А на буржуев
 чего смотреть?
Плевать нам
 на их делишки!

– 3 –

Товарищ!
 Галстук
 сегодня надень
и брюки
 погладь
 чин-чином.
Пускай
 женщины
 в этот день
улыбаются
 красивым
 мужчинам!
Знамя труда
 в поднебесье
 взмоем,
чтоб капитал
 завидел –

и враз сник.

Товарищ!

Помни:

Марта Восьмое –

это

мужской

праздник!

С. Есенин

Жил да был парнишка деревенский,
Мял цветы, валялся на траве.
А придёт, бывало, праздник женский –
У него мутилось в голове.

Всё бродил он, одуревши в доску,
Всё кого поздравить бы искал.
Обнимал он каждую берёзку,
Но и жен чужих не пропускал!

Эдуард Багрицкий

Увы, мой друг, мы рано постарели
И праздника вкусили не вполне.
Припомним же весенние капли
И в Женский День прогулки при луне.

В начале марта сырость и туманы –
Что из того? Наш голос не умолк.
Мы подымали в этот день стаканы
И в поздравленьях тоже знали толк.

И мартовского ветра дуновенье
Припомнится усталым и седым.
Тайком, тайком приходит вдохновенье,
Проникнет в сердце и уйдет как дым.

Но прежде чем исчезнуть, наколдует
Кому строфу, кому лишь пару строк.
Скорей, скорей! Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок.

Хватило б нам словес для поздравлений,
Сумели бы их рифмами сплести.
Но как отсрочить смену поколений,
Как отдалить последнее прости!

И на сосновой струганой постели
Мы с грустью вспоминаем в тишине
Весенний праздник, лужи и капли,
Попойки днем, прогулки при луне.

Николай Олейников

Однажды красавица Вера,
Одежды откинувши прочь,
Вдвоём со своим кавалером
До слёз хохотала всю ночь.

Собака скулила и выла,
И ветер стучался в окно.
Чего ж им так весело было?
Чего им так было смешно?

У жизни ведь поводов мало
К веселью, вообще говоря.
А просто уже подступало
Восьмое число мартабря!

С. Щипачёв

Здоровьем дорожить умеете,
С годами – дорожить вдвойне.
Опасны вздохи на скамейке
Восьмого марта при луне!

Возможны слякоть и пороши,
И гриппа вирус тут как тут.
Они на песню не похожи,
И до добра не доведут!

Н. Заболоцкий

(Из черновиков к сборнику «Столбцы»)

Труда и творчества закон
суров и грозен испокон,
но в марте есть число такое,
когда бездействует и он,
когда он может спать в покое.
Седые скопища заводов
в тот день с утра не загудят,
зато становья всех народов
на всех наречьях загалдят.

Из сундуков достав обнови,
не как-нибудь, не впопыхах,
идут в пивную Ивановы
в своих штанах и башмаках.
Пришли, уселись, отогрелись
и к обстановке присмотрелись,
сидят во всей своей красе,
и это замечают все.
Кругом столы, на них бутылки,
Физиономии, затылки.
Не головы – кочны и репы.
Какой шарман, какие скрепы!
А как с духовностью? Она
в любом обличии видна.
Тут шишаки красноармейские,
и с ними дамочки житейские.
Прямые лысые мужья
сидят, как выстрел из ружья,
и с ними восседают жёны –
они как пушки заряжены.
За стойкой бледная сирена,
из кружек выступает пена.
Кому-то праздник подошёл,
Кому-то этот день тяжёл.
В углу мясистая блондинка,
у ней в ручище четвертинка.
С понятием, с чувством, не спеша,
Сейчас нальёт себе ерша.
Закон имея естества,
Себе желает сватовства.

А вот предмет вполне сакральный:
на полке, в позе натуральной,
стоит уменьшенный Ильич,
принять готовясь красный спич.

О мир, свернись одним кварталом,
одной разбитой мостовой,
одним проплёванным амбаром,
одной мышиною норой,
что хошь, громи, круши, ломай!

Но женский праздник не замай.

Даниил Хармс

Объявляет папа мой:
– Завтра марта день восьмой;
Мы пройдемся по домам,
Всех поздравим тётъ и мам!
Мама слышит и бежит,
Оглушительно визжит
И от злости вся дрожит:
– Поздравлять чужих мадам!
Я сейчас тебе как дам!
Папа тоже задрожал,
Он со страху задрожал
И куда-то убежал.
А куда он убежал?
Может, кто его видал?
Может, кто-то и видал,
Только нам не докладавал.
Нету папы моего,
Потеряли мы его.
А быть может, папа мой
Не является домой,
Потому что по домам,
Поздравляет тётъ и мам.

С. Михалков

В начале марта колбасу давали.
Известно – колбаса в диковинку у нас.
Привычно граждане вставляли
В том гастрономе в хвост на битый час
И меж собой о разном толковали.
Мужик один – как видно, голова –
Такие вымолвил слова:
«Колбаску потреблять по будням нет резону,
А в Женский День нельзя без закусону!»

Мораль: постой часок с народом –
И в праздник будешь с бутербродом.

Булат Окуджава

– 1 –

В поход на чужую страну собирался король.
Ему королева недавно устроила сцену:
«Ты слышал, на пряники снова повысили цену,
Но к Женскому Дню запасти их, голубчик, изволь!»

Потом совещался король со своими людьми:
«Вы знаете, братцы, какой приближается праздник,
А тут, как нарочно, соседний король–безобразник
Не платит нам дань и смеётся: “А ну, отними!”»

И двинулось войско добычи искать за бугром,
Да в силе такой, что врагу не могла и присниться.
Ударные части, едва миновали границу,
В кондитерских лавках везде учиняли разгром.

И вот наступили, представьте, победные дни.
Искрошены кремни мушкетов, зазубрены шпаги,
Противник был стоек и тоже исполнен отваги,
Но пряников целый мешок захватили они.

С Восьмым заодно отмечали военный успех,
Король с королевой вручал ордена и медали.
А пряники кое-кому по талонам раздали –
Ведь их, как известно, всегда нехватает на всех.

– 2 –

Нам весна – не весна,
Коли рядом война!
И гусары проделали
Носки в стремяна.
Впереди командир,
На нём новый мундир,
Да и все хороши
После зимних квартир.

А молодой корнет,
Забыв про пунш и карты,
В седле слагал куплет
На день Восьмое марта!

Протрубила труба,
Загремела пальба,
И откинул маэстро
Ладони со лба.

На земле командир,
Окровавлен мундир,
С ним лихой эскадрон
Покидает сей мир.

И молодой корнет
В раю засел за карты,
Не кончив свой куплет
На день Восьмое марта.

Владимир Высоцкий

В государстве, а в каком – неизвестно,
Да незнамо, и в котором году,
Пировали в Женский День повсеместно,
Пили мёды у царя на виду.

И прокашлял царь царице: «Постой-ка!
Где добыли окаянные мёд?
Ведь, кажись, у нас кругом Перестройка,
А того никто и в толк не возьмёт!»

А царица: «Чем печатать декреты,
Лучше выкати портвейну бадью!
Коли нынче не отменишь запреты,
Я с тобою разведусь – и адью!»

И. Резник

Восьмого марта в первый раз
Я за столом увидел Вас –
 Но Вы вдвоём, Вы не со мною ...
Деликатесов полон стол,
Но я был грустен, даже зол –
 Ведь Вы вдвоём, Вы не со мною!
Ах Женский День, печальный день!
Как будто всё накрыла тень –
 Ведь Вы вдвоём, Вы не со мною ...
Хочу, чтоб в следующий раз
Ваш спутник тоже встретил Вас
 Вдвоём с другим – вдвоём со мною!

И. Липкин

(Не вошедшее в сборник «Колобок на Парнасе»)

– 1 –

В. Брюсов

Ты в древних сагах был предсказан:
Щекаст, румян и крутобок,
Мечтой веков миропомазан
На подвиг славный Колобок.

Ты принял беспощадный вызов,
Поверив в помощь тайных сил.
Себя нисколько не унизив,
Свой путь ты доблестно свершил.

Когда старуха по сусекам
Мучицы горстку наскребла,
На женский праздник, в ногу с веком,
Тебя в духовке испекла,

Ты, остывая, возмутился:
– Ну нет, я съесть себя не дам!
Прыг за окно и покатился,
Куда – того не зная сам.

Но рок вселенной управляет...
Тебя в чащобу занесло,
А там всю зверьё гуляет,
Восьмое празднуя число.

Ты всё катил неумоимо,
Пока судьбы тянулась нить;
Медведи, волки, зайцы – мимо,
Не им тебя остановить.

Но таково лесное царство:
И ты попался на зубок.
Ведь против лисьего коварства
Бессилен храбрый Колобок!

Ты зовом славы был обманут,
Но в том ни грана нет стыда.
Преданья о тебе не канут
В забвенья омут никогда.

Нам всем дано в глухом Эребе
Годами долгими скорбеть,
Но сколь прекрасен ясный жребий:
Сверкнуть на миг – и умереть!

– 2 –

Владислав Ходасевич
(Из незавершённого)

Колобок... Колобок... Что за слово!
Этот ком на окне – колобок?
Разве баба лепила такого,
В Женский День – и урода ржаного?
Нехватило муки на пирог?

Поостыл, прыг – и в лес покатился,
Устремляясь навстречу судьбе.
Дед напрасно в окне суетился,
Всё-то звал, чтоб домой воротился,
Баба с плачем металась в избе.

Не изгрызли из памяти годы
Сказ, как беглого заяц ловил;
Сколько было лесного народу –
Злой волчина, медведь-Квазимодо –
Каждый слопать его норовил.

Всё катился он, худа не чая,
И куда ж его прыть завела...
А лиса, женский праздник встречая,
Хвост трубой для такого случая,
В гости к курам, как водится, шла...

.....

Из переводной поэзии

Омар Хайям

– 1 –

О женщины! Мы в них души не чаем,
Когда Восьмое марта отмечаем,
Но нынче позволяет нам Аллах
Их упоить лишь кофею и чаем.

– 2 –

Нам пить вино Аллах строжайше воспретил.
С весны и до весны Его закон я чтил.
Но в Женский День блюсти запрет не в силах –
И целый год молюсь, чтоб Он меня простил.

Пер. В. Державина

Роберт Бернс

Финдлей

– Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я – Финдлей!»

– Ещё никто не спит у нас!

«Что так?» – сказал Финдлей.

– Под праздник дел невпроворот.

«Да ну?» – сказал Финдлей.

– Хлопот на кухне полон рот.

«Наплюй!» – сказал Финдлей.

– С тобой болтать мне недосуг.

«Досуг!» – сказал Финдлей.

– Не до тебя, любезный друг!

«Что-что?» – сказал Финдлей.

– Иди-ка ты скорее прочь!

«Ах так!» – сказал Финдлей.

– А приходи Восьмого в ночь ...

«Идёт!» – сказал Финдлей.

Пер. С. Маршака

Вальтер Скотт

Канун Женского Дня

Шотландская баллада

Зачем до рассвета поднялся барон
Накануне Женского Дня?
Никому не сказал, что задумал он
И велел оседлать коня.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

А куда ж он скакал меж утёсов и скал,
Коль не ждёт его грозная рать?
Он торопит коня, чтоб до Женского Дня
Для супруги букет собрать.

Вот заветной поляны приметы видны,
Что ж он видит – с другой стороны
Англичанин стоит, очень грозен на вид,
И цветов нарвать норовит.

– Что ты делаешь тут, в шотландском краю?
Прочь, и больше сюда не лезь,
А не то изведаеть руку мою
И навек останешься здесь.

Англичанин так ответил ему:
– Что ты мелешь – я в толк не возьму;
На поляне обоим хватит цветов,
А сразиться я тоже готов.

– Что ж, закончим тогда пустой разговор,
Ты бесчестный английский вор.
Если слово не может решить наш спор,
Пусть рассудит меч и топор.

И рубились они, как велось искони,
За цветы для прекрасных жён.
Был шотландский барон кровью весь обagrён,
Англичанин насмерть сражён.

Верный конь понуро бредёт домой,
Низко голову наклоня.
Угасает марта день седьмой,
И хозяин торопит коня.

Железный шелом иссечен на нем,
Изрублен панцирь и щит,
Недавнею кровью топор за седлом,
Английской кровью покрыт.

Вот и замок родной, обнесён стеной,
Вот опущен подъёмный мост.
И доспехом звеня, он свалился с коня,
И во весь протянулся рост.

Верный паж дорожный мешок развязал,
Домочадцам цветы показал.
Изнемог барон в последнем бою,
Но поздравил супругу свою.

И приходят вести из тех сторон,
Разлетаются вдаль и вширь:
Спит в фамильном склепе могучий барон,
А вдову сокрыл монастырь.

Пер. В. Котовер-Казанера

Редьярд Киплинг

Баллада о Женском Дне

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землёй на Страшный Господень Суд.
Но нет Востока и Запада нет, нет ни долгот, ни широт,
Когда надвигается Женский День, и в трансе Адамов род.
Каждый знает, что в этот День закон и обычай суров:
Дочери Евы ждут от нас поздравлений и щедрых даров.
И кто этот День почитает всегда, закон и обычай блюдёт,
Того милосердный примет Господь, когда он к нему придёт.
Но кто не чтит заветный День – горе и горе тому:
Едва он покинет этот мир, душа его канет во тьму.
Она в Преисподнюю полетит, устремляясь к Адским Вратам,
И многих, увы, подобных себе она повстречает там.

.....
Невдалеке зияло жерло огромной адской печи.
Оно посылало в кромешную тьму зловещие лучи.
Оставь надежду попавший сюда, нет милосердия тут;
Того, кто грешил против Женского Дня, вечные муки ждут.
Сам Дьявол вышел вести приём, стоял он в полный рост.
Через плечо до груди свисал его косматый хвост.
Он горло прочистил, погладил рога, погладил хвост на плече.
Бесы корчили рожи, толпясь кругом, пылинки плясали в луче.
А буря мировых пространств бичами грешников жгла.
И Дьявол повёл неспешную речь про скверные их дела.
«Вот ты, к примеру, куда спешишь? Почему впереди всех?
Потому что забыл поздравить жену, а это – смертный грех!
А ты, за ним, там, на Земле, был духом и разумом слаб:
Тебя в супермаркет послала жена, а ты завернул в паб
И вместо покупок на Женский День деньжата оставил в пивной;
Вот и стой теперь, потупив глаза, да не скули и не ной!
Ну, а ты к любовнице сбежал, бутылку и торт прихватив,
А жена белугой ревела в дому – тебе знакомый мотив?
Под конец обнадёжил новичков, ждавших у Адских Врат,
Что непременно примет всех и знакомству душевно рад.
Потом окликнул своих бесенят: «А ну, кончайте бедлам!
Не видите, что ли, – работа ждёт: сажайте их по котлам!
Пускай корчатся и вопят, костяшки пальцев грызут.
Не вздумайте, черти, их жалеть и экономить мазут.
Пускай поживут у нас в тепле, как Тот, наверху, решил,
И каждый жилец поймёт наконец, как тяжело он согрешил.»

Пер. Е. Полонской

Королева Элинор

Английская народная баллада

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из далёкой страны.

Но в проливе и ветер не тот, и туман,
И какой же смельчак отплывёт.
И король, замышляя коварный обман,
Лорда-маршала в помощь зовёт.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если я чем-нибудь согрешил!

— Я клянусь тебе жизнью и тронем своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ с капюшоном на панцирь надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли
И кадили вдвоем: и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду,
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

— Кто вы родом, откуда, святые отцы?
— Прошептала жена короля.
— Аквитанцы, — сказали в ответ чернецы,
— Мы сегодня сошли с корабля!

— Так и быть, я, пожалуй, покаюсь в грехах.
Что поделать, порядок такой.
— Кайся-кайся! — печально ответил монах.
— Кайся-кайся! — добавил другой.

И один закрывал свою плешь клобуком,
Левым глазом заметно косил,
Да и голос его ей казался знаком,
Но взглядеться уж не было сил...

— Я неверной женою была королю.
Это грех, но совсем небольшой.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала всюю душой!

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.

Никудышный король, незавидный и муж,
Он уродлив и злобен к тому ж.
Никому никогда ничего не прощал,
Женский праздник справлять запрещал!

Но тайком в этот день весь народ, как один,
Граф, прелат или простолюдин,
Кто как мог пировал, короля проклинал,
Добрых женщин весь день вспоминал.

Мне сегодня, я чую, приходит конец,
Обрету я и мир, и покой,
— Что ж, покайся! — промолвил пригожий чернец,
И насупился молча другой.

— Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший сын и хорош, и пригож,
Он лицом и умом, и отвагой своей
На отца, как две капли, похож.

А другой — ну и этот совсем, как отец:
Он плешив, косоглаз, кривоног!..
— Замолчи! — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распятые, и, сбросивши с плеч
Свой монашеский чёрный наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
— Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!

Пер. С. Маршака

P.S. Брату в город Ричмонд, Виргиния

Стихов российских знатец,
Казанский грамотей,
Примазался твой братец
К пиитам всех мастей.

Что аз же, многогрешный,
На бранных сих листах
Кой-что списах поспешно,
Кой-что и дописах,

Ты, спереди и сзади
Листая по вся дни,
Читай забавы ради,
Меня же вспомяни,

Блюдя обычай русской,
Как истинный еврей,
За водкой и закуской
В Виргинии твоей.